

— **ВЕРНИКА**, а хорошо это — быть независимой: самой писать стихи, самой сочинять музыку, играть и петь?

— Конечно, хорошо. Этого требует природа нашего жанра — авторской песни. Тот, кто не пишет стихов, страдает от этого.

— Но ведь хороших и даже прекрасных стихов на свете великое множество...

— И тем не менее выбрать стихи очень трудно. Они должны стать песней, песня должна быть понятной, и потом ведь это особенная песня — она говорит о том, о чем люди догадываются. А иногда знают именно сегодня, сейчас. Если песня не уловит какого-то общественного настроения, мысли или чувства, ее не то что не запоют — слушать не станут. Я вижу, с какой жаждностью следят за поэзией Сергей Никитин, Александр Суханов, ищут стихи... И находят. Иногда это Юнна Мориц, иногда Давид Самойлов, а случается, Михаил Юрьевич Лермонтов...

— Вы заговорили о природе жанра. А можно сформулировать, что это такое — авторская песня?

— Наверное, это поэзия, очень близкая народной, и в силу этого сочинителей так много — каждый хочет высказаться, каждый хочет быть понятым! А публика с безошибочным чутьем выбирает «своих» авторов.

Авторская песня... Конечно, без автора, без личности она невозможна, но невозможна и без особенной среды, в которой рождается. Там, где люди испытывают потребность друг в друге, где в мыс-

ИНТЕРВЬЮ «МК»

«ПОЗВОЛЬТЕ БЫТЬ ВАМ ВЕРНОЙ...»

У нас в гостях автор и исполнитель песен Вероника ДОЛИНА

лях и делах есть благородство, — находятся авторы и поют песни.

О чем поют? О разном. Но линия каждого очень определена. Новеллы Матвеевой, Окуджавы... И они — прежде всего поэты.

— Вы назвали тех, кто был одним из первых. А не страшно сегодня быть среди многих?

— Затеряется ли мой голос среди других? Я думаю, что не мне об этом судить. Ведь что бы бард на свой счет ни думал, не он назначает себе цену...

— Несколько лет назад в интервью, данном «МК», Булат Шалвович Окуджава заметил, что не стоит судить бардов за плохую музыку, они прежде всего — поэты, судить их надо как поэтов: их песни — вовсе не песни, а способ исполнения своих стихов.

— Думаю, что в случае с Окуджавой это как раз не так. Его музыка служит его стихам как нельзя лучше. И потом ведь — поют! Множество людей поет — значит, песни!

Но в чем я согласна с Окуджавой, которого не могу не любить, так это в главенстве стихов над музыкой. Это стихи с музыкальной ос-

новой, и все дело в том, какие стихи...

— Вероника, а не кажется вам странным, что люди, не приученные читать стихи, не раскрывшие за жизнь, может быть, ни одного поэтического сборника, с радостью поют те самые стихи, которые бы в книжке читать не стали?

— Такова природа песни, такова песня на Руси, такова песня сегодня.

— И все-таки удивительно, как, например, после телефильма «Ирония судьбы» запели Цветаеву, Пастернака...

— Может быть, это свидетельствует о том, что в потенциале у поэзии куда больший круг читателей — надо лишь научиться читать.

— А вы любите читать стихи? Задаю этот вроде бы странный вопрос, потому что отнюдь не все профессиональные поэты, просто любящие чтение люди нуждаются в стихах.

— Я — как раз наоборот. Очень люблю прозу, получаю от нее огромное удовольствие, а в поэзии скорее нуждаюсь, чем люблю. Это как с водой: как может человек ответить, любит ли он воду — ему надо пить — и все.

В поэзии мне нравится сочетание ума и чувства, и очень почему-то нравится, ес-

ли поэт оставляет миру не многотомное собрание, а одну книжку. Это надо суметь уложиться, как Тютчев, в один томик стихов.

— **ВЕРНИКА**, а как рождается песня?

— Ее атом — музыкальная строчка. Если она пришла, у меня есть шанс, что что-то получится. Только по опыту знаю: нельзя «наседать» на нее сразу — строчка может уплыть...

— Ваши слушатели удивляются музыкальности ваших стихов — разнообразию мелодий, легкости, с которой они запоминаются и поются. Некоторые даже подозревают у вас консерваторское образование...

— Нет. Музыкальная школа — фортепьяно. Гитару я взяла, когда эту школу окончила. И сочинила первую песню — конечно, о любви...

— В свои двадцать семь лет склонны вы считать себя сложившимся человеком?

— Я не готова ответить на этот вопрос. Кое-что, наверное, знаю о себе, каждый день надеюсь, что знаю... Но сложившимся, раз навсегда понявшим, что к чему? Нет. Мне кажется, нельзя относиться к жизни самоуверенно — это плохо обернется. Строишь, строишь какие-то схемы, а они рассыпаются...

И ничего не строить тоже невозможно — лично для меня...

— Понятие профессионализма, если применить его к авторской песне, несколько условно — тот, кого вчера считали самостоятельным автором, сегодня — общепризнанный профессионал. Но, вероятно, помимо признания, есть другой, внутренний, критерий отношения к делу?

— Я — патриотка своего жанра, и, конечно, мне бы хотелось называться профессионалом. В этом моя жизнь — выступаю с концертами, езжу по стране... Нарастает чувство ответственности за то, что и как делаешь.

— **У ВАС** двое детей, что по сегодняшним меркам — большая нагрузка для женщины. Удаётся вам сопрягать материнство и сочинительство, домашние заботы и поездки на БАМ и в Норильск, не мешают ли эти разные обязанности друг другу?

— Дети... Для женщины это способ самоутверждения — не самый легкий, но и не самый сложный. И потом, кто я без семьи? Что-то вроде воздушного шара, а дом, дети — это моя гондола, то, что держит, дает равновесие.

— Вероника, пожалуйста, несколько строк для наших читателей...

— Может быть, эти:
Когда еще хоть строчка
сочинится —
От Вас не скроет Ваша
ученица.
А чтоб от чтенья был
хоть малый прок —
Любовь мою читайте между
строк.

Интервью взяла
Т. ШОХИНА.